

Павел Васильевич Анненков

Парижские письма

Павел Васильевич Анненков

Парижские письма

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2982055

Анненков П.В. Парижские письма (сборник): Наука; Москва; 1983

Аннотация

В «Парижских письмах» П.В. Анненков продолжил традиции карамзинской зарубежной публицистики. Однако письма Анненкова – качественно новый этап в развитии карамзинского направления. И по своей идейной направленности, и по своим художественным особенностям они соответствовали запросам передового русского общества 1840-х годов. Даже теперь, спустя более столетия, «Парижские письма» Анненкова не выглядят архаическими. Они воскрешают перед нами во всех неповторимых особенностях Париж времен Дюма и Бальзака, Париж, когда Ламартин и Луи Блан были в зените своей славы, когда в Парижском Салоне выставлялись картины Делакруа и Коро, а Францию сотрясали голодные бунты.

Содержание

I	4
II(a)	16
II(б)	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29
Комментарии	

Павел Васильевич Анненков Парижские письма

I

8-го ноября 1846 года.

С чего начать о Париже? Разве с брошюрного мира, который к новому году заволновался непомерно, словно сумасшедший перед полнолунием. Брошюрная литература в последние три месяца имела, как вы знаете, несколько фазисов. Она шипела по-змеиному около выборов^[1], свистала потом на Ротшильда и компании железных дорог^[2], а теперь разразилась альманахами. Сколько их, сколько их! Социальные, популярные, и проч. и проч. Полфранковики так и скачут у меня за ними: это походит на травлю. Меня более всего тешат усилия каждой партии говорить с народом народно и перетаскать его на свою сторону. Уж как они захваливают его и какие шелковые ковры расстилают под ногами его: только удостой немножко поваляться в теории нашей! Один из этих альманахов, «de la France démocratique»^[3], взыскан честью преследования. Его отобрали во всех книжных лавках, еще не известно за что. За литографию ли, изображающую ме-

даль скульптора Давида в честь ларошельских сержантов^[4], за статью ли против палаты пэров, или за простонародные песенки на палату депутатов, которые не совсем глупы. Вот образчик:

Le chambr' c'est un coup d'oeil unique.
Et c'théâtre est en vérité
Bien plus gai qu' l'Ambigu-Comique
Et plus comiqu' que la Gaité! (bis)

Aux pièc's qu'on r'présent-les premièrs,
L'jour est sombr'dans c'local fermé,
Mais on y voit beaucoup d'lumières
Sitoit qu' l'lustre est allumé.

1

Остальное все в романтически-торжественном тоне Пьера Леру, который теперь в своем «Revue sociale»^[5] изменил теорию распределения богатств в обществе, так что часть каждого работающего определяется уже не талантом его, а действительною нуждой (selon le besoin). Но где мерило? Эта крайняя степень, до какой может дойти сумасбродство сердца благородного и добродетельного! Остается только распре-

---

¹ «Палата, если вы взглянете, Настоящий театр, Гораздо более веселый, Чем Амбигю-комик, И комичнее, чем Гете!» (бис) «В пьесах-премьерах Темно при закрытых дверях, Но появляется много света, Как только зажигается люстра» (франц.)

делять общественные богатства по темпераментам, по расположению к брюнеткам и блондинкам (то-то бы хорошо!) и т. д. Странно, что о книге «Cosidérations économiques» до сих пор не говорит еще ни один из журналов^[6]. Уж не хотят ли они *похоронить* ее, как это бывает здесь, *молчанием* за железную стойкость автора посреди партий и презрение к ним? Говорят, что Луи Блан^[7], доктрина которого разбита в прах автором, поседел от негодования. А что – если бросим в сторону религиозные колебания автора «Considérations économiques», читали ли вы когда-нибудь книгу, которая яснее и убедительнее доказала бы, что цивилизация не может отречься от самой себя, что все ее победы, как-то: машины, конкуренция, разделение работ и прочее, неовозвратно принадлежит человечеству, и что единственная помощь для общества заключается не в благонамеренных способах исцеления, предлагаемых со стороны, а только в отыскании закона, по которому богатства развиваются правильно и сами собою?..

Толпы народа бегут в Saint-Germain l'Auxerrois смотреть вновь реставрированный портал его. Нынешним утром потянулся и я за ними и вынес оттуда весьма горестное впечатление, которое намерен разделить с вами. Внутренность портала и ажурные фронтоны дверей заняты фресками Виктора Мотте (Mottez)^[8], изображающими историю Спасителя, с распятием над главным входом. Расчлененные столбы, образующие этот портал или галерею, покрыты во впадинах

своих фигурами из Ветхого и Нового завета^[9]: выдумка весьма неудачная, потому что каждая фигура чудовищно жмется в этом узком пространстве и перегнута на самое себя. Это, впрочем, еще не самое противное. Главные фрески выдержаны в тоне новой римской школы. Уж не говорю о бедном чахоточном колорите, о рисунке без твердости и силы, о разрывчатости всего создания, но замечаю только новый факт в истории мистической живописи: во Франции она стала замещать гримасой – выражение, вместо духовного упоения – является у нее *ступидитет*², с вашего позволения, и страшное, отчаянное отсутствие всякой мысли, делающее то, что произведения ее походят на кафтан, ловко набитый, но висящий на палочке. Так искусство, оскорбленное в существе своем, отмщает ложным пророкам своим!.. Я дожидаюсь выставки, чтобы поговорить с вами на просторе об этом предмете. Знаете ли, что мне кажется? Мне кажется, что живописцы XIV и XV столетия, *тречентисты и кватро-чентисты*, напрасно считаются людьми, переводившими в искусство божество и откровение. Они занимались выражением собственных религиозных созерцаний, а не определением божества, как отдельного мира, как объекта. Это было дело одного византийского искусства, а потому оно одно и свято. Наше отечество частью до сих пор сохранило ее предания, в Европе же искусство это утерялось еще ранее Джотто и Фан-Дейка^[10], то есть XIV столетия. Вспомните,

---

² Ступидитет (от *франц.* stupidité) – тупость.

например, падуанские фрески Джотто^[11]. Тут главная задача, положенная художником, состояла в том, чтобы отыскать красоту формы для религиозных сюжетов и уловить выражение страсти, которая со всем тем проявляется у него еще весьма общно и неиндивидуально. Божественность сюжета тут только данная для посторонней и ему чуждой цели. Указывают обыкновенно на школу Перужино^[12], на его задумчивые лица, спокойствие всех представлений и святую тишину, разлитую в них. Очень хорошо; но надо весьма небольшое внимание, чтоб увидеть, как все это принадлежит только личности художника. Как повторялся до Перужино, так и после него будет повторяться тот неизменный закон, по которому наш ум, силясь разрешить жизненные противоречия, создает грациозную мечту и за нею спасается от всех диссонансов, бурь и треволнений. Что тут есть общего с представлением божества, да и не профанация ли искать его в человеческой слабости, хотя и выраженной глубоко художнически? Перейдем к Фра-Фиезоле^[13], который особенно цитируется приверженцами мнения, оспариваемого мною. Здесь личность выступает еще сильнее. Где ярче выразилось католическое монашеское воззрение на жизнь, как не у этого монаха? Не есть ли каждая его картина призыв к католическому монастырю, к музыкальной обедне, к торжеству обряда, к детям красивым, как ангелы и возвышающим кадила, к толпе доминиканцев, благоговейно стоящих перед престолом? Все это, может быть, очень похвально (а художественно оно

чрезвычайно), но общего определения божества искать тут не следует. Другое дело – византийское искусство! С самого зародыша своего имело оно целью чисто и просто напоминать Его. Зная, что лик человеческий не в состоянии дать никакого пояснения в этом случае, оно создало свои условные типы, имея в виду только разбудить частное сознание и поднять его к внутреннему созерцанию божества. Так точно некогда было и в Европе. Кто не видел знаменитой Pala d'oro в храме св. Марка^[14] в Венеции? Это собрание мозаичных картин по золотому полю, изображающих события Нового Завета и черты из жизни святого Марка, сделанные в самом Константинополе в X столетии. Искусство занято тут не тем, чтоб осмотреть каждое явление со всех сторон и выразить его в наибольшей полноте, а напротив, взять только сторону самую простую, намекнуть ею без всяких подробностей о происшествии и представить все остальное благочестивому воображению самого зрителя. Искусство, как бы пораженное ужасом, отказывается от всех своих притязаний, но это-то самое и упрочивает ему сильное влияние. И так всегда поступает искусство символическое. Все же, что было сделано после Византии, и все, что будет еще делаться, несмотря ни на какие порывы и стремления, всегда было и всегда будет результатом личности человека, принадлежать только человеку и объясняться его понятиями, наукой, историей и никогда не выходить из этого круга! Не так ли?..

Мне случайно попался здесь на днях один славянский

«Сборник»^[15]. Так как я давно уже не имел в руках русской книги, то с радостью пробежал первую статью: «О современном направлении искусств пластических»^[16] (прилагательное на конце для колорита). Мы с вами, кажется, говорили когда-то о невыгодах сильного литературного образования.

Знайτε же, что самый блестящий пример способности беседовать о всяком предмете без изучения его находится, к великому моему изумлению, не здесь около меня, в Париже, под колоннадой Магдалины, а там около вас, под стенами Китай-города. Мастерство вводить лица и сказать о них именно все то, что – смею выразиться так – связано почти со звуками их имен, но сказать особенным оборотом, как будто заключающим новую мысль, это мастерство очень порядочно развито у вас. Иногда, конечно, от трудности работы бывають и промахи. На стр. 34, при суждении о Меркурии скульптора Джиованни Болонского^[17] я встретил, например, следующий период: «Не просто, непосредственно вылилась она (статуя): художник стремился придать особенную легкость и подвижность фигуре, утончая и облегчая формы тела: *он не чувствовал, каков есть, не знал, каков должен быть Меркурий, и потому в произведении заметна какая-то односторонность...*» Я подходил к этому периоду и справа, и слева, и en face³: все напрасно. Он, как чудовищный сфинкс, продолжал смотреть на меня тупо и безжизненно. Прибавьте еще к этому старческую, особенно неприятную хитрость

---

³ Напротив (франц.).

избегать результатов собственных положений, когда они открывают существенную, светлую сторону противной партии. Самая религиозная школа живописи в Италии, по мнению автора, была Умбрийская^[18]. Она несомненно выросла в лоне латинизма, но чтобы отделаться от уважения к нему, автор придумал следующую фразу (стр. 45): переход Умбрийской школы к другому направлению «доказал бессилие западного католицизма удержать в пределах религии ни живописи, ни тем более других искусств» и проч. и проч. Очень ловко! Еще одна любопытная черта в этой статье. Некоторые из периодов ее до такой степени общи, что, как флаг, могут развеиваться по воле ветра во все стороны. Так и видно, что у них нет корней ни в труде, ни в мысли. Впрочем, мне иногда это кажется следствием тех софистических и праздных диспутов, за которыми большая часть нашей молодежи теряет всякое чувство истины. Посмотрите сами (стр. 43): «Но сильное развитие других сторон жизни, независимых от искусства, и внутреннее сознание самого художества, пробуждаемое теоретическими направлениями, препятствует искусству удалиться от жизни действительной, как это было во время цвета академии»... Поставьте вместо *препятствует* *способствует* — мысль будет в той же степени верна, как теперь: так отвлеченна она и так походит на тему для диспута! Статья эта заставила меня крепко задуматься о нашем образовании, о классе общества, который его получает, и об употреблении, какое он делает из него. Уяснилось мне одно сле-

дующее: замечание о чужой гнилости еще не есть признак собственного здоровья... Но довольно об этом.

Жизнь течет здесь в Париже пока еще весьма тихо и вяло, чему особенно способствует катастрофа орлеанского наводнения. Многие говорят, что и полное издание повестей Бальзака под титулом «Comédie humaine»⁴ немало помогло развитию общественной грусти. Не могу удержаться, чтобы не передать вам одно замечание о Бальзаке, слышанное мною или в театре или за обедом: «Сочинения Бальзака походят на корзинку ходячего стекольщика: каждое стекло само по себе весьма тускло, а вместе взятые, они составляют массу, непроницаемую для света». Очень мило!.. Движение около театров однакож начинает, видимо, усиливаться. В Ambigu Comique имела успех, и, что называется, колоссальный, новая драма Сулье «La closerie des genêts»^[19]. Дело тут в двух отцах, подозревающих каждый свою дочь в незаконном со-
ставлении ребенка и вследствие сего позволяющих себе самые отчаянные тирады и поступки. Все улаживается, впрочем, благополучно после многих испытаний и страхов. Умный посредник, маркиз из помиранных легитимистов, успевает освободить обольстителя от жены, насильно ему навязавшейся, и вернуть его к ногам жертвы, между тем как он, сам маркиз, берет, вероятно, *за комиссию*, невинную ее подругу. В первые представления одобрение публики близко подходило к энтузиазму. Это заставило меня еще раз се-

---

⁴ «Человеческая комедия» (франц.).

рьезно подумать о болезни, полученной мною еще в молодости, и которую, за неимением лучшего, я называю: *позывом к художественности*^[20]. Всякий раз, как удавалось задавить этого червячка, гнездящегося во мне, глаз мой прояснялся, и я чувствовал себя здоровее. Нынче, выгнав его одною художественною статьей из славянского «Сборника», о которой уже упомянуто, я тотчас понял причину общего восторга и законность его. Все лица драмы взяты из жизни и верно выражают уровень, проходящий по всем слоям французского общества. Бретонский мужик с крестиком св. Лудовико за Вандейскую войну^[21] подает братски руку наполеоновскому генералу с почетным Легионом^[22]. Блестящий замиренный маркиз^[23] стоит между крестьянскою девушкой и барышней в дружественных отношениях, понимаемых и тою, и другою. Отпускной солдат из Алжира^[24] идет рука об руку с артистом из Парижа. Не забыта даже дама большого света, родословная которой начинается в бедной хижине; но она несколько оклеветана, и это чуть ли не существенный недостаток пьесы. Вот на каких лицах зиждется вся драма, и теперь понятно, отчего с первого раза вызвала она сочувствие публики.

Вам, может быть, приятно будет узнать новую шутку неугомонного Кабе^[25]. Он уже давно на последнем листе своего «Populaire» печатает похвальные письма самому себе, получаемые от лиц всех сословий. Ныне сообщает он новый вариант панегирика. Какой-то господин, будучи при смерти, поместил в завещании: «объявить Кабе глубочайшую бла-

годарность за минуты наслаждения, доставленные мне, завещателю, чтением икарийской системы»^[26]. Почтенный покойник! Это, однако, еще не лучшая шутка Кабе. Он повздорил с фаланстерианцами^[27]. Спор вышел, кажется, из того, чтоб узнать, которая из двух партий более благодетельствовала человечество. Из желания очистить поскорее этот пункт Кабе предлагает Консидерану^[28] нанять общими силами большую залу в хорошем квартале города и держать публично диспут о достоинстве обеих теорий, как во времена Абеяра. Дело остановилось за безделицей – за позволением. Вероятно, администрация, мало заботящаяся об интересе писем из-за границы, лишит меня удовольствия видеть одно из любопытнейших заседаний, какие представляло последнее десятилетие. Это тем более правдоподобно, что «National» возбудил презрительный смех в консерваторах, потребовав для работников публичных заседаний и права говорить о выгодах и невыгодах снятия таможен, как о деле, в котором они всего более заинтересованы, между тем как противники таможен, пэры и мануфактуристы, получили позволение составить общество и иметь заседания. Какая же тут, бога ради, зала для фантасмагорий Кабе и Консидерана и для публичных прений о том, чтоб узнать, где будет слаще пить и есть, в Икарии или в фаланстерах?

Сегодня хоронят старика Дюперре^[29] у Инвалидов, но на дворе холодно и сыро – и у меня нет охоты смотреть эту церемонию...

До следующего письма.

II(a)

[Когда Париж денно и ночью стучит у вас под окнами, но [эти] и это имеет занимательность. На слишком гладкой дороге приятно встретить бревно и попотеть около него, а потом ведь всегда есть возможность плюнуть и обойти препятствие.] Многие находят, что обыкновенные сумасшествия французского карнавала в нынешнем году достигли крайнего развития, за которое вряд ли и перейти могут. Замечено именно в полицейских сержантах невыразимое снисхождение к условным жестам и позам [лореток] гризеток на балах Оперы, Variétés, Валентино, и относят это к нетвердому положению министерства. Всем известно, как долго страдала Франция от чистоты нравственных убеждений муниципалитета и катоновской строгости^[30] правил таможенных приставов. И тем, и другим нанесены страшные удары. Допущение *живых картин*, сделавшихся источником дохода для трех театров и забавным зрелищем публики, так крепко связывает греческую цивилизацию с парижскою, что даже эстетика и филология противятся вмешательству цензора в кивере и красных эполетах. Развитие публичных балов dokonало совсем это установление, уже потрясенное живыми картинами. С годами пропадала в них интрига, значение маски, таинственность и умение сочинить маленькую повестицу, а все более выказывалась потребность судорожного потрясе-

ния организма и усилия сделать назло официальному опеку-
ну^[31]. Несколько лет маскарад был войной между публикой и
блюстителем благочиния. К ужасу моему должен я вам ска-
зать, что последний побежден, по крайней мере на эту зи-
му. Галопад, который теперь танцуют, уже не может быть бе-
шенее, вскрик уже очень близко подходит к настоящей лес-
ной дикости, и речи, которые вам держат на ухо, сохраняя
умеренность, требуемую духом языка, уже имеют весьма яс-
ный благоуханный запах примитивности и наивного пребы-
вания в природе. Причину упадка маскарадов Оперы полага-
ют, главное, в том, что умные и добродетельные лоретки,
уже вышедшие из точки отправления Руссо^[32] к более ши-
рокой системе шотландского эмпиризма г. Дюгальд-Стюар-
та^[33], разобраны и Оперу не посещают. В этом они походят
на лучших профессоров Франции, которые, сделавшись пэ-
рами, и лекций более не читают^[34].

Что касается до посягновения на таможенных, оно вы-
шло из общества *свободного обмена*^[35], для ясности скажу:
du libre échange. Я был на последнем его заседании в Salle
Montesquieu. На трибуне величались все знаменитости по-
литической экономии: Дюноэ^[36], Бланки^[37], Шевалье, Басти-
ат^[38], Леон Фоше^[39], Горас Сей^[40], а внизу до трех сот че-
ловек избранной публики собралось посмотреть на них. Из-
вестно, что противная партия, составившая комитет для за-
щиты национального труда, а для ясности скажу: *comité pour
défendre le travail national*, вместо опровержений профессор-

ских теорий в какой-нибудь другой зале, взволновала мануфактурные департаменты Франции и послала грозный циркуляр администрации, объявив, что при первой уступке ее свободным обменщикам она, партия защиты, вооружит врагов династии. Вы видите, экономисты рассчитывают на красоту своего слова, мануфактурщики – на величие вооруженной силы; те опираются на непреложные законы ума, а эти – на твердость и самоотвержение кармана. Старик Дюноэ открыл заседание выговором противной партии за грубость употребляемых ею средств и призывал ее к спокойному, дельному обсуждению вопроса. Бланки визгливым голосом опровергал упрек в дерзости новой реформы, ограничивая ее на первый раз уничтожением в тарифе параграфа совершенных исключений и понижением пошлин с некоторых предметов, как кофе, какао и проч., которые от увеличившегося потребления вознаграждают снисхождение правительства к ним с избытком. Он объявил также, что по милости мануфактуристов нынешние палаты недвижимее палат двадцатых годов и что мануфактуристы не имеют даже права подавать голоса в настоящем вопросе, будучи судьями в собственном деле. Тогда воздвигся Шевалье и тоном жреца, только что беседовавшего с Аписом^[41], произнес громовую речь против мнимого патриотизма защитительной партии и ее претензий блюсти выгоды работников^[42]. Хорош этот патриотизм, который из личных выгод уничтожил блестящие начатки таможенного союза между Францией и Бель-

гией, который из мелочного расчета не допустил в государство сезама^[43] и тем лишил Францию нескольких миллионов и возможности поднять торговую морскую силу! Хороша претензия, когда фабрики мануфактуристов суть вертепы распутства, огрубения и уничтожения человеческих способностей! Вот как говорил он! В больших собраниях [любезный друг Боткин] я заметил, что слушающие бывают иногда любопытнее говорящих. Например, немаловажное значение приобрело для меня обстоятельство, породившее в самую жаркую минуту речи Шевалье громкий и продолжительный смех. Увлеченный бесом ораторства и естественным желанием как можно более напакостить враждебным фабрикантам, Шевалье поставил им в пример один американский город до 30000 жителей, в который приходит со всех сторон 18000 хорошеньких работниц, никогда не подвергающихся опасности защищать свою невинность и добродетель. Взрыв безумного смеха, встретивший слова эти, убедил меня, что по сторону океана эти 18 тысяч целомудренных дев весьма бы поуменьшились и что здешняя публика не понимает благородной терпимости публики американской. Это меня глубоко опечалило, как вы догадываетесь. Наконец, Горас Сей заключил заседание, убеждая нас, слушателей, к распространению, по мере сил и возможности, идеи свободного обмена, которая, – говорил он, – должна обойти весь мир. А до тех пор можно, я думаю, заметить, что идеи редко распространяются посредством приглашения. Вообще эта борьба чи-

стой теории с живыми интересами, сделанная под влиянием английской реформы^[44] и без всяких других средств, кроме правильности выражения, весьма походит на забаву ученых. Это – их Тиволи^[45].

Любопытнейшую сторону парижской жизни представляют в эту минуту, без сомнения, новые произведения промышленности, выставленные магазинами. Целую неделю ходил я по лавкам и признаюсь, давно не испытывал такого удовольствия, как в этом изучении тайной мысли,двигающей современную производительность. Право, любопытно было бы определить, каким образом формируется эта мысль, называемая вульгарно модой, а что она вдруг проносится от одного конца государства до другого, светится в разнороднейших произведениях – в ножевом клинке и в куске материи, и имеет корни в общественной настроенности – это, мне кажется, очевидно. В эту минуту, например, факт, что вся изобретательная способность индустрии движется воспоминаниями искусства и образа жизни XVIII столетия^[46], этот факт для меня столько же важен, как недавнее арестование одного № «National» за статью против возвращения правительственной системы к старому порядку вещей. Вы легко свяжете, [друг мой,] страсть, которая овладела многими, собирать вещи и игрушки прошлого века с наклоном настоящего к полному наслаждению собой и жизнью. Здесь образовались для первой целые магазины. У Дивиль-руа (passage Panorama) любовался я коллекцией старых опа-

хал, роскошно обделанных в черепахе, золото и перламутр и на которых кисти учеников Вато^[47] и Буше^[48] изобразили беседу дам и кавалеров в присутствии амуров, поясняющих содержание ее, сельские праздники, даже мифологические события под деревьями, где в листьях таятся воркующие голуби. У Рого, на Монмартрском бульваре, это еще полнее. Там выставлены золотые табакерки с тончайшею живописью идиллического содержания, весьма мало закрывающего настоящую мысль сюжета, перстни, брошки и, наконец, те маленькие фарфоровые статуйки, в которых под видом пастухов и пастушек прошлый век рассказывал анекдоты из собственной жизни. Но промышленному искусству предстояла на этой реставрации недавней старины трудная работа заключить дух ее в непогрешительную чистоту линий, в художественную форму, снять угловатость с представлений ее и умерить выражение. За этою работой промышленность нынешнего года показала талант неимоверный. В магазинах Жиру я видел дамские туалеты, рабочие столики, вазы, сервизы и бюро для письма, в которых главный мотив составляет эмаль по фарфору, прорезанная тонкими золотыми нитями и покрытая живописью, где цветы и амур переплетаются в удивительном рисунке. С трудом можно отвести глаза, и только ярлычки с ценами 2 т., 3 т., 4 т. франков заставляют их, так сказать, войти в себя. Этот *tour de force*⁵ или ловкость современной промышленности еще яснее вид-

---

⁵ Смелый прием (*франц.*).

на в магазинах Таксана, на углу бульваров и улицы de la Paix. Он приготовил к новому году доброе количество ларцов, несессеров, пюпитров для письма, garde-bijoux⁶ и проч., из которых каждый есть образец отделки и, в некотором роде, поучение плодотворное. Круглота формы, любимая восемнадцатым столетием, образовала здесь превосходный рисунок: золотые полосы вместо старой путаницы завитков разрешились в художественные арабески, и линии, подражающие старой оковке ларцов, пересекаются удивительно свободно и красиво, а живопись, сохраняя тон нежной аллегории, выдержана строго и вместе тепло. Каждая вещь в этой форме может быть принята за светлое воспоминание отжившего столетия. Смотри на нее, хочется быть богачом, и покуда не отнимут ее от глаз, страдаешь жаждой обладания. Обиднее всего, что имена рисовальщиков, дающих первую мысль этим вещам, совершенно потеряны для публики, которая знает только человека, приведшего ее в исполнение. Бронзовые произведения, требующие, как вы знаете, настоящего творческого таланта, и притом в весьма сильной степени, уже гораздо слабее. Одна часть их навеяна бытом Алжира, который имеет сильное влияние и на самую живопись: так много тешит новая колония народное самолюбие^[49]! Это борьба бедуинов с гренадерами или эпизоды африканской жизни, где барс и степной лев меряются силами с кавалеристом французской армии и проч. Вторая часть их, весьма

---

⁶ Шкатулка для драгоценностей (франц.).

полно представляемая магазином Сюса, находится в крайнем противоречии с первою: это женщины в сладострастных положениях несмотря на то, выражают ли они робкую стыдливость или безграничное упоение, скромность или увлечение. Любопытно, что многим из них основным типом послужила великолепная, несравненная Венера Милосская из Луврского музеума. Художники только, вероятно, из тонкой лести мещанству представили эту энергическую, страстную женщину в ее вседневных занятиях: в расческе роскошной косы, в омовении чудного тела ее и даже в перемене хитона; можно подумать, что все это злая нескромность горничной девушки Венеры. Впрочем, истинное выражение искусства находится не в произведениях, где забота о дешевизне, старание сделать доступным приобретение неимущему эстетическому карману порождает непременно, некоторую мелкоту представления и выделки. Я совсем не приверженец системы, выдуманной, полагаю, старым ночным колпаком и состоящей в том, чтоб умельчать великие вещи ради доставления удовольствия экономным супругам или бедным молодым людям, подающим надежды. Она рождает подлог вместо дела, производит иллюзию вместо поучения, портит в одно время и образец, и того, кто наслаждается подражанием ему. Для бедных [как мы с вами, друг мой] есть музеумы, выставки, собрания: вот настоящая подмога бедности. И какое приобретение может с ними сравняться, и какой богач имеет то, что каждый день может видеть всякий! Ев-

ропа поняла дело лучше, чем человеколюбые сентиментальные: между тем как публичные кабинеты и коллекции распространяются везде и неимоверно, фальшивые древности, подражания монетам, бисквитные статуйки, уродливые копии беспрестанно падают. Все это я вам говорю по случаю магазинов серебряных дел мастера Мореля в улице des petits Augustins. Там все дорого, но каждая вещь кажется упреком обветшалому, древним неизвестному разделению ремесла от искусства. Начиная с золотого набалдашника для палки до серебряного сюрту⁷ для пиршественного стола, все имеет у него в основании поэтическую, художественную мысль, которая отзывается на всех подробностях и наполняет собою как главную фигуру, так и самую дальнюю черту произведения. Я видел, например, кубок, у которого кристальная чашка покоится на двух золотых фигурах – тритона и nereиды, между тем как выющиеся широкие растения ползут по двум краям чашки и чудно завиваются вверху, составляя ее ручки. Везде верность раз взятой мысли поразительная. Из множества вещей помню еще один браслет с жемчугом. Что может быть обыкновеннее этой данной мысли? Но две серебряные резные русалки на золотом фоне, взятые в ту минуту, когда выносят они со дна морского корзинку перлов, сообщают обыкновенному браслету оттенок художественности и высокого искусства. Особенно ими помечена одна серебряная холодильница шампанского. Подножие ее составляют

---

⁷ Сюрту (от *франц.* surtout) – большой вазы.

три пантеры, головы которых повторены еще и на золоченой крыше; на круглых же боках ее развивается удивительный рельеф: внизу спят вакхическим сном четыре лица четырех разных возрастов, между тем как над головами их носится вереница женщин, изображающая горькие и страстные видения каждого. Присутствие творческой силы тут уже так ясно, что у Мореля просили позволения перевести рельеф этот на слоновую кость и украсить им стены богатого кабинета. Однакож заговорился я о промышленности, но ведь она тоже принадлежит к явлениям здешнего карнавала, о коем здесь и пою преимущественно.

Но самое несомненное достояние его суть две театральные пьесы, два обозрения на театре du Vaudeville и на Палерояльском. В первом является новая планета в бюро «Иллюстраций»^[50] (г-жи Дош^[51] и Жюльет^[52]), и последняя показывает первой, называя ее сестрицей, все, что происходило нелепого в Париже. Идут пародии на театральные пьесы прошедшего года, новые открытия, объявления, романы, спекуляции. Планета чуть-чуть с ума не сходит от ужаса и бежит опрометью к себе на небо, где она с начала веков вела спокойную и добродетельную жизнь. Палерояльское обозрение еще смешнее. Там хлопчатый порошок (poudre-coton), в образе Сенвиля^[53], идет с приятелем своим, центробежною дорожкой, изображаемою г-м Грасо^[54], взрывать монмартрские копи и отыскивать клад. Вместо клада попеременно являются им на Монмартре: «Клариса Гарлов»^[55], «Найденыш» Сю^[56],

«Вселенная и свой уголок» Мери^[57], драма Сулье^[58], госпожа Магодор, аристократические купальни, «Роберт Брюс» Россини, битва кашемиров, театры, экономическая щетка, сам Александр Дюма с новым театром^[59], где люди будут с столовыми, гостиными и конюшнями и проч. Неудержимый хохот носится во все время представления этой пьесы, имеющей большой успех и которая, наконец, делается невыносима по изобилию уморительных глупостей и сумасшествию веселости, не дающих вам отдыха ни на минуту. Оставляю до будущего письма [Боткин] печальную историю появления великих сценических произведений, которых ожидала публика с таким замиранием духа: «Agnès de Méranie» Понсара^[60] и оперы «Роберт Брюс» Россини. Было бы неуместно говорить о них тогда, как Париж, несмотря на сильные холода, денно и нощно бежит по улицам, словно спасаясь от всякого дельного слова и от всякого напоминовения о литературных и жизненных тревожениях.

[1-ое Генваря 1847 – С сим числом вас поздравляю. Я пишу к вам в Москву, но не знаю, где вы. Повторите ваш адрес, да на всякий случай приложите адрес того Современника^[61], к которому можно писать в случае нужды. Мне это необходимо. Кудрявцев^[62] мерзнет жалостливым образом.

П. Анненков]

II(б)

В Collège de France и в Сорбонне не все по-старому [любезный В. П.], Вы знаете, что в первой Эдгар Кине отказался от кафедры по случаю перемены, сделанной в его программе, и южные литературы, таким образом, не имели представителя в Париже. Вероятно, тени Дантов и Камюенсов^[63] громко требовали удовлетворения от Сальванди^[64], потому что он, при открытии нового курса, отдал кафедру Кине^[65] г. Гинару^[66]; но этой кафедре, вероятно, суждено переменять беспрестанно обладателя. Кине, разумеется, протестовал против назначения ему адъюнкта без его согласия, но, убежденный потом самим г. Гинаром, объявил, что если уж нужен непременно адъюнкт, то лучше г. Гинара не найти. Все, казалось, было слажено; однакож с приближением курсов последний проведал, что студенты, вполне признавая его добросовестность и многие хорошие качества, все-таки собираются освистать его при первом появлении, не находя другого, как самый лучший способ оказать симпатию свою к его предшественнику. Не чувствуя в себе способности на самопожертвование, Гинар, под предлогом глубокого уважения к Кине, отказался вовсе от кафедры, и зима эта, таким образом, должна пройти для нас без единого слова об инквизиции, Колумбе, ореолах Жиотто и воплях Бруно^[67] и проч. Это жалко. Впрочем, поведение Кине во всем деле бы-

ло чрезвычайно достойно и благоразумно. Кине живет точно так, как говорит – несколько напыщенно, но очень звучно и твердо. В Сорбонне произошло нечто посерьезнее. Знаменитый Дюма^[68], вероятно, уже снесся с администрацией, предложил от собственного имени [совету] факультету des Sciences⁸, где он старшина, просить совет университета об образовании третьего факультета – механических искусств, ремесел и земледелия, студенты которого могли бы получать все ученые степени первых двух факультетов. Так и сделано. Вы понимаете [,друг мой], что утвердительный ответ на эту просьбу будет одним из самых важных происшествий нынешнего года во Франции. Впервые промышленность и земледелие станут наравне со всеми другими учеными занятиями, почислятся детьми современной цивилизации, и снимается с «их последнее урекание в корыстности и неблагородстве, оставшееся от средних веков. Гораздо менее будет вам понятно, что мера эта встретила [самое] первое жаркое сопротивление [как бы вы думали где?] в демократической партии. При этом случае особенно ясно выказались узкость и ограниченность ее понятий о морали, которая все еще держится на старом эпитете d'un homme irréprochable⁹

---

⁸ Наук.

⁹ Безупречный человек (*франц.*).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

...шипела по-змеиному около выборов... – Этим словам Анненкова находим объяснение в статье Ф. Энгельса «Правительство и оппозиция во Франции», опубликованной в английской газете «The Northern Star» 5 сентября 1846 г. и дающей английскому читателю отчет о только что прошедших во Франции выборах в палату депутатов и негативной реакции французской прессы: «Еще никогда в период после революции 1830 г. не выставлялось напоказ такое откровенное бесстыдство, такое пренебрежение к общественному мнению. По меньшей мере три пятых депутатов – верные друзья министерства; иными словами, это либо крупные капиталисты, дельцы и спекулянты железнодорожными акциями с парижской биржи, банкиры, крупные промышленники и т. п., либо их покорные слуги» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4, с. 27).

2.

...свистела потом на Ротшильда и компании железных дорог... – В статье Ф. Энгельса «Правительство и оппозиция во Франции» читаем: «А совсем недавно было положено начало новому способу борьбы, о котором стоит упомянуть. Один рабочий написал памфлет против главы этого режима, – не против Луи-Филиппа, а против „Ротшильда I, короля ростовщиков“. Успех этого памфлета

(он уже выдержал около двадцати изданий) показывает, как правильно было выбрано направление удара. Король Ротшильд был вынужден дважды выступить в печати, защищаясь...» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4, с. 29).

3.

«De la France démocratique»... – «Демократическая Франция», французский альманах, выходил в Париже с 1844 по 1848 г., возник на основе «Народного альманаха»; редактор Паньер Лоран Антуан (1805–1854), альманах имел демократическое направление, в нем печатались выдержки из речей и статей сотрудников газеты мелкобуржуазных демократов «Реформа»: А. О. Ледрю-Роллена, Э. Араго, а также статьи социалистов-утопистов П. Леру, Луи Блана, памфлеты и очерки демократических публицистов и писателей Л. М. Корменена, А. Ф. Эскироса, Ф. Пиа, стихи рабочего-поэта П. Лашамбоди, П. Ж. Беранже; иллюстрировали альманах художники «группы Филиппона».

4.

...медаль скульптора Давида в честь ларошельских сержантов... – В 1822 г. в гарнизонных городах Франции вспыхнули восстания французских карбонариев, направленные против династии Бурбонов. Четыре сержанта,

возглавлявшие восстание в гарнизоне г. Ла-Рашель, были преданы суду и казнены на Гревской площади Парижа. В их честь французский скульптор Давид д'Анже Пьер Жан (1788–1856), прозванный Давид Анжерский, создал медаль, которая и была воспроизведена в альманахе.

5.

«Revue sociale» – «Revue sociale, ou Solution pacifique du problème du prolétariat» – «Социальное обозрение, или Мирное разрешение проблемы пролетариата», ежемесячный французский журнал, выходил в Париже с 1845 по 1847 г.; редактор П. Леру, в журнале принимал участие П. Ж. Прудон.

6.

...странно, что о книге «Considération économiques» до сих пор не говорит еще ни один из журналов... – Речь идет о книге «Système des contradictions économiques, ou philosophie de la misère» («Система экономических противоречий, или Философия нищеты») П. Ж. Прудона, вышедшей в Париже в 1846 г. На Анненкова книга Прудона произвела сильное впечатление, и он, отложив все дела, принялся за ее изучение. Интерес к этой книге заставил его обратиться с просьбой к К. Марксу, с которым он познакомился в 1846 г. в Брюсселе, высказать свое суждение о книге. На просьбу Анненкова Маркс ответил известным письмом от

28 декабря 1846 г., в котором не только давал подробный разбор концепции Прудона, но впервые излагал основы своей теории исторического материализма (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 27, с. 401–412).

7.

Блан Луи (1811–1882) – французский утопический социалист, противник пролетарской революции, носитель порочной идеи сотрудничества классов, историк; в 1848 г. – член Временного правительства, председатель Люксембургской комиссии для рабочих; в августе 1848 г., после поражения революции, эмигрировал в Англию.

8.

Мотте Виктор Луи (1809–1897) – французский художник-портретист и исторический живописец, автор фресковой живописи на религиозные сюжеты.

9.

Ветхого и Нового Завета... – Библия, разделяющаяся на Новый и Ветхий заветы.

10.

Фан-Дейк, правильно Ван-Дейк (Van-Dyck), Антонис (1599–1641) – фламандский живописец.

11.

...падуанские фрески Джотто... – Роспись капеллы в г. Падуе, произведенная флорентийским художником Джотто; фрески давали светское истолкование евангельскому рассказу и явились школой новой живописи для большинства итальянских мастеров XIV в.

12.

Перужино, правильно Перуджино, Ваннуччи Пьетро (между 1445 и 1452–1523) – итальянский живописец.

13.

Фра-Фиезоли, он же Фра-Анджелико, правильно Фра-Джиованни Анджелико да Фьезоли, прозванный Беато (1400–1455) – итальянский художник.

14.

Марк – евангелист, по преданию, его останки были перевезены в Венецию, в храм, носящий его имя.

15.

Мне случайно попался здесь на днях один славянский «Сборник»... – Имеется в виду «Московский сборник» – периодическое издание славянофилов; известны «Московские сборники» 1846, 1847 и 1854 гг., в дальнейшем издание было запрещено.

16.

«О современном направлении искусств пластических»... – статья русского историка-славянофила Александра Николаевича Попова (1821–1877), опубликованная в «Московском сборнике» 1846 г. По поводу отзыва Анненкова об этой статье Боткин писал ему 26 ноября 1846 г.: «Вы удивляетесь статье Попова „О современном направлении искусств“. Но саго прочитайте любую немецкую философскую статью о каких-нибудь произведениях искусства – будет нечто подобное. Теперь у немцев эти статьи сделались уже редки, но лет десять назад они процветали в гегелевской школе» (Анненков и его друзья, с. 520).

17.

Джиованни Болонский, правильно Джоаванни да Болонья (1524–1608) – скульптор, долго работавший в Италии, по происхождению фламандец.

18.

Умбрийская – итальянская школа живописи XV в.

19.

«La closerie des genêts» – «Хуторок Жене», драма французского писателя-драматурга Фредерика Сулье.

20.

...позывом к художественности... – Имеется в виду приверженность эстетической концепции Гегеля, под влиянием которой сформировались эстетические взгляды Анненкова, как и других членов кружка Белинского в 1830-х годах. По поводу этого высказывания Анненкова Боткин писал ему: «Помните, у нас в этом отношении было несколько споров о французских пьесах, и Ваши суждения мне казались больше теоретическими, нежели практическими (имеются в виду разговоры во время совместного путешествия Анненкова и Боткина летом 1846 г. – И. К.). Во мне гнезвился тот же червяк, но его выгнала парижская общественность и ее практический смысл. А по возвращении Вашем я знаю наперед, что буду просить Ваших наставлений и обещаю слушаться Вас во всем; не мудрено, что я здесь опять смахну на „позыв к художественности“, которою бредят все наши приятели» (Анненков и его друзья, с. 527–528).

21.

...с крестиком св. Лудовика за Вандейскую войну... – Французский королевский орден, уничтоженный во время французской буржуазной революции конца XVIII в. и восстановленный в период Реставрации; впервые орден выдавался участникам контрреволюционного крестьянского

мятежа, поднятого под руководством реакционного французского дворянства в департаменте Вандее в 1793 г., подавленного войсками Конвента.

22.

...с почетным Легионом... – Французский орден, введенный Наполеоном I в 1802 г.

23.

...замиранный маркиз... – Легитимист, представитель монархической французской партии, поддерживавшей старшую ветвь Бурбонов, смилившийся с правлением Луи Филиппа, представителя Орлеанской династии, младшей ветви Бурбонов.

24.

...Отпускной солдат из Алжира... – Подразумевается французская война в Алжире, закончившаяся в 1847 г. покорением Алжира и превращением его в колонию Франции.

25.

Кабе Этьен (1788–1856) – французский публицист, представитель мирного утопического коммунизма, редактор «La Populaire» («Народная газета»), пропагандировавшей идеи утопического коммунизма; выходила в Париже с 1833

по 1835 и с 1841 по 1850 г.

26.

...чением икарийской системы... – Система мирного утопического коммунизма, получившая свое название от книги Э. Кабе «Путешествие в Икарию» (1841).

27.

Фаланстерианцы – последователи французского социалиста-утописта Шарля Фурье (1772–1837); фаланстер – дворец, в котором, согласно Фурье, будут жить члены фаланги – производственно-потребительской кооперации, которая составит основу общества будущего.

28.

Консидеран Виктор (1808–1893) – французский социалист-утопист, ученик и последователь Фурье.

29.

Дюперре Ги Виктор (1775–1846) – французский адмирал, участник завоевания Алжира.

30.

...катоновской строгости... – Катон Старший (или Цензор) Марк Порций (234–149 до н. э.), идеолог крайне консервативной группировки древнего Рима, прославился

борьбой против роскоши и свободы нравов; его имя стало нарицательным.

31.

...сделать назло официальному опекуну... – Имеется в виду политика строгих полицейских мер, регламентирующих общественную жизнь Парижа, введенных в 1835 г. и неукоснительно проводимых министром внутренних дел правительства Луи Филиппа Шарлем Дюшателем.

32.

...из точки отправления Руссо... – Французский философ и писатель Руссо Жан Жак (1712–1778) выдвинул идею о необходимости для современного цивилизованного человека стать ближе к природе и освободиться от общественных условностей.

33.

Дюгальд-Стюарт, правильно Стюарт Доглад (1753–1823) – шотландский философ, представитель идеалистического направления в философии, т. н. философии здравого смысла, обуславливающей нравственную природу человека и его поведение здравым смыслом, которым и рекомендовалось руководствоваться во всех случаях жизни.

34.

...сделавшись пэрами, и лекций более не читают... – Намек на французского профессора-криминалиста Росси Пеллегрини Луиджи Одорадо де (1787–1848), итальянца по происхождению, который, получив звание пэра, покинул Сорбонну и уехал в Италию. Поездка Росси была связана с секретной миссией, возложенной на него Гизо: переговорами с папой по поводу сокращения чрезмерно активной деятельности иезуитов во Франции.

35.

...общества свободного обмена... – «Общество свободной торговли», объединявшее крупных землевладельцев, промышленную и торговую буржуазию; существовало в Париже с 1845 по 1848 г., президент общества Шевалье Мишель (1806–1879), французский экономист и публицист, сотрудник «Journal des débats», горячий сторонник свободы торговли.

36.

Дюное, правильно Дюнуайе Шарль (1786–1862) – французский буржуазный экономист, представитель вульгарной политической экономии; публицист и буржуазный политический деятель.

37.

Бланки Адольф (1798–1854) – французский буржуазный

экономист и историк экономических учений.

38.

Бастиат, правильно Бастиа Фредерик (1801–1850) – французский вульгарный экономист, ярый апологет капиталистического развития.

39.

Фоше Леон (1803–1854) – французский буржуазный публицист, политический деятель умеренно-республиканского направления, ученый, экономист-мальтузианец; в период революции 1848 г. депутат Учредительного собрания, один из руководителей партии порядка, участник подавления июньской революции.

40.

Сей Гораций – французский экономист и буржуазный политический деятель, в 1848 г. депутат Учредительного собрания.

41.

Апис – священный бык, символизирующий божество древнего Египта, содержался в особом храме в Мемфисе.

42.

...ее притензии блюсти выгоды работников... – Мнение

Анненкова о демагогическом характере полемики совпадало с мнением Ф. Энгельса, высказанным им в адрес такой же полемики, происходившей в Германии, в статье «Протекционизм или система свободной торговли», опубликованной в газете «Deutsche-Brusseler-Zeitung» 10 июня 1847 г.: «Господа буржуа, защищающие покровительственную систему, никогда не упускают случая выставлять на первый план благо рабочего класса. Судя по их словам, вместе с введением системы покровительства промышленности для рабочих наступит истинно райское житье... Но если, с другой стороны, послушать сторонников свободы торговли, то получается, что только при применении их системы неимущие люди смогут жить ... в высшей степени привольно и весело» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4, с. 63).

43.

Сезам – иначе кунжут, дико растущая трава тропических стран, разводится ради добываемого из него кунжутного масла.

44.

...под влиянием английской реформы... – Речь идет о реформе избирательного права, проведенной английским парламентом в 1832 г. в интересах промышленной буржуазии.

45.

Тиволи – город в южной Италии, служивший местом отдыха для римской знати.

46.

...движется воспоминаниями искусства и образа жизни XVIII столетия... – Мнение Анненкова по этому вопросу близко высказываниям Ф. Энгельса в статье «Ретроградные знамения времени», опубликованной в «Telegraph für Deutschland», в феврале 1840 г.: «Стоит вам только посетить салон, меблированный в современном стиле, как вы увидите, чьими духовными чадами являются формы, которые вас окружают. Все уродливости стиля рококо из эпохи самого крайнего абсолютизма были вновь вызваны к жизни, чтобы навязать духу нашего времени те формы, в которых уютно себя чувствовал режим „l'état c'est moi"» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 41, с. 27–28).

47.

Вато, правильно Ватто, Жан Антуан (1684–1721) – французский живописец.

48.

Буше Франсуа (1703–1770) – французский живописец.

49.

...так много тешит новая колония народное самолюбие!.. –
Покорение Алжира Францией было окончательно
завершено французским генералом Ламорисьером
Кристофом Луи Леоном в 1847 г., с этого времени Алжир
становится официально колонией Франции.

50.

«Иллюстрация» – «l'Illustration, journal universel» –
«Французская универсальная иллюстрированная газета»,
основана в Париже в 1843 г.

51.

Дош Шарлота Мария (1821–1900) – французская актриса.

52.

Жюльетт Милле (Juliette Drouet) (1806–1883) – французская
актриса.

53.

...в образе Сенвиля... – Ошибка: Сенвиль Луиза (1818
—?) – французская оперная певица.

54.

Грасо Джуованни (1792–1863) – французский актер,
итальянец по происхождению, играл в театре Пале-Рояль.

55.

«Клариса Гарлов» – драма Ф. Понсара (1846).

56.

«Найденыш» – «Мартин Найденыш», роман Эжена Сю (1846).

57.

Мери Франциск Жозеф (1797–1865) – французский драматург и либреттист.

58.

...драма Сулье... – «Хуторок Жене».

59.

...сам Александр Дюма с новым театром... – Речь идет об «Историческом театре», созданном французским романистом и драматургом Александром Дюма-отцом в Париже в 1847 г. специально для постановки своих исторических пьес.

60.

Понсар Франсуа (1814–1867) – французский драматург, возглавивший вместе с другим французским драматургом Ожье Виктором Эмилем т. н. школу здравого смысла,

выступавшую в 1840-х годах против романтического направления во французской драматургии; автор трагедий в стихах на исторические сюжеты («Лукреция», «Шарлота Корде») и бытовых нравоучительных комедий.

61.

«Современник» – русский общественно-политический и художественный журнал демократического направления, основанный А. С. Пушкиным в 1836 г. в Петербурге; с 1837 по 1846 г. выходил под редакцией профессора Московского университета Плетнева Петра Александровича, поэта и критика; с 1847 по 1866 г. – под редакцией А. Н. Некрасова и И. И. Панаева.

62.

Кудрявцев Петр Николаевич (1816–1858) – русский литератор, профессор всеобщей истории Московского университета.

63.

...тени Дантов и Камюенсов... – Данте Алигьери (1265–1321) – итальянский поэт; Камюэнс Луиш ди (1524–1580) – португальский поэт.

64.

Сальванди Нарцисс Ахилл (1795–1856) – французский

политический деятель, академик, министр просвещения в кабинете Ф. Гизо при Луи Филиппе.

65.

Кине Эдгар (1803–1875) – французский философ, историк, писатель и политический деятель, был настроен оппозиционно к режиму июльской монархии; боролся против подчинения образования во Франции влиянию католической церкви; его преподавательская деятельность была под постоянным контролем министерства просвещения.

66.

Гинар Жан (1805 —?) – французский ученый, мелкобуржуазный демократ, участник революции 1848 г.

67.

Бруно – Бруно Джордано Филиппо (1548–1600) – итальянский ученый, философ и поэт.

68.

Дюма – Дюма Жан Батист (1800–1862) – французский ученый, химик; боролся за изменение высшего образования во Франции и приближение его программ к потребностям развивающегося капиталистического производства.